Баба Эла — бабушка моих дочерей и мама мужа — была семнадцати лет отроду, когда началась блокада Ленинграда. Выжила ее семья благодаря мешку сахара, припасенному для летних заготовок. Тот сахар оказался спасительным чудом, позволившим дожить до эвакуации. Если бы я не знала этой истории, то трепетное отношение бабы Элы к сахару и фразы типа «сахар нужен детям для костей» огорчали бы и заставляли меня спорить. А так ситуация была наглядной иллюстрацией парацельсовского «все есть лекарство, и все есть яд» — дело лишь в мере и уместности.

Выжившие блокадники имеют право на свою житейскую мудрость. Трепетным у бабы Элы — Эллы Андреевны Никулиной — было отношение не только к сахару, но и к пище в целом. Пережитый страшный голод наложился на природную обстоятельность, и она до конца дней своих, как говорится, любила проснуться среди запасов. В ее квартире, где-нибудь в дальнем углу, можно было обнаружить пятилитровую банку обесцветившейся от времени клюквы (клюква так хранится: заливаешь кипяченой водой — и все). Ничто пищевое не выбрасывалось до последнего: баночки со сметаной или томатной пастой жили в холодильнике до появления на них внушительных коралловых рельефов плесени. Заготовки — соленья и варенья — производились ведрами. Одним из первых вопросов мужу и сыну, возвращающимся из длительных, иногда экзотических экспедиций, был «ну, что вы там ели?», а совсем не «ну, что вы там видели?».

Накормить вкусно и сытно стало философией ее жизни. По общему мнению, Элла Андреевна (по паспорту Энгелисса, так как родители ждали мальчика, приготовив имя Энгельс) была кулинаркой экстра-класса. К назначенному застолью она начинала готовиться, как хороший студент к экзамену — за много дней. Дело не в приобретении продуктов — их все покупали или доставали заранее. Дело в заранее продуманной стратегии и подготовке полуфабрикатов, чтобы — упаси ее господи! — пришедшие гости (в основном горластые ленфильмовские компании) не топтались в ожидании пира, застав хозяйку за дорезанием какого-нибудь салата.

Времена оттепели и застоя не были шикарными с точки зрения продуктового разнообразия, но она научилась выкручиваться. Столы ее были картинками волшебного гастрономического калейдоскопа, которым она виртуозно овладела. Форшмак (с яблочком), фаршированная курица (кожа снималась чулком и набивалась фаршем), лобио (как ни странно, по тем временам — экзотика), печеночный паштет, рыбное заливное — персонально каждому в мисочке, грибы — маринованные, соленые и в пирогах, минимум пять видов салатов, торт «Наполеон» и булочки с заварным кремом. Так угощались гости за один присест, когда Элле Андреевне можно было в духе времени остановиться только на оливье или винегрете, котлетах или пельменях, пироге с капустой или домашнем печенье. В конце концов, можно было остановиться на первом: каких-нибудь щах или борщах. Искусно приготовленное первое было вполне самодостаточным блюдом, на которое можно было звать гостей.

Баба Эла собирала кулинарные книги и рецепты. И с горечью сетовала: «Ни одна хозяйка никогда не даст тебе свой рецепт полностью. Чуть не доскажет — и у тебя, как у нее, не получится». Сама она, будучи совсем нелукавым человеком, на такое коварство была не способна.

Свекровь ввела в мой типично советский обиход загадочное понятие «хозяйка». «У каждой хозяйки есть свой любимый нож», — к примеру, говорила она. И я замирала, потому что фраза была для меня совершенно небытовой. Она

была из удивительного мира, где обитают таинственные женщины-хозяйки. Они, осваивая кулинарное пространство во имя семьи, могли даже удостоиться почетного звания «хорошие хозяйки». Конечно же, за спиной «хорошей хозяйки», по представлению Эллы Андреевны, стояла, в первую и последнюю очередь, образцовая кухня как мастерство. Кухня, расширяющая усредненные привычки и потребности, имеющая следствием почтительную благодарность, изумление, овации семьи и друзей. Кухня как служение и творческая реализация «в одном флаконе». В условиях дефицита и небольших доходов это был не подвиг, но нечто героическое.

Сейчас в Интернете все чаще можно встретить мнение, что традиционная кулинария наших бабушек — наиболее правильное питание из всех предложений ЗОЖ (здорового образа жизни). Глядишь, вторую жизнь обретет и кулеш, он же кондёр, как его называли родители мужа. С этим супчиком у меня связаны такие воспоминания.

Лето мы с дочками обычно проводили на даче. В свое время Никулины, благодаря писателю Юрию Герману, получили участок на Карельском перешейке в поселке Сосново, бывшей финской Рауте. Мобильных телефонов не было. Бабушка приезжала внезапно, потратив четыре часа на дорогу, с продуктами в большой коричневой клетчатой сумке на колесах. Отмучившись в переполненной электричке, с порога, начинала готовить на плитке с электрической спиралью. Могла, как птичка, чуть-чуть поклевать приготовленное — и уезжала обратно к мужу вести свое важное городское хозяйство. Однажды она приготовила большущую кастрюлю непонятно чего. В бульоне булькали какие-то картошечка с морковочкой, пшенка и сало, пережаренное с луком.

— И что я с этим буду делать? Мы это есть не будем, — рискнула я сказать Элле Андреевне, которая уже торопилась к калитке.

— А Высоцкому понравилось, — кинула она через плечо.

Только так, через некие блюда, от нее можно было узнать интересные семейные истории. И мой свекор, режиссер-постановщик Григорий Григорьевич Никулин, потом подтвердил, что на съемках фильма «713-й просит посадку» молодой, еще неженатый Владимир Высоцкий (именно на этой картине он познакомился с Людмилой Абрамовой, будущей первой женой), действительно, был в гостях у Никулиных, и они угощали его кулешом-кондёром, созданным из того, что оказалось под рукой.

Примеров такого благоговейного отношения к кулинарной стороне жизни мне почти не встречалось. В большой степени оно передалось мужу и двум сыновьям. Кстати, с точки зрения Эллы Андреевны, все ее невестки были плохими хозяйками. Большинство подруг, понятно, тоже подкачало.

Наверное, если бы не война, еда не стала бы для моей свекрови культом и ее сложная натура нашла бы другое применение, другую страсть. Но библейская Марфа воплотилась в ней именно так. «Все есть лекарство, и все есть яд...»

Справка: Элла Андреевна Никулина (1924–2007) — жена режиссера-постановщика Григория Никулина — старшего (1922–2007), мать режиссера-постановщика Григория Никулина — младшего (1955–2007).